

УДК 902/904

EDN (указывается в редакции)

Научная статья

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ШОКШИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

Р. Е. Головин^{1, 2✉}, Е. Н. Кемаев²

¹ МРОКМ им. И. Д. Воронина, г. Саранск, Россия,

² Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве

Республики Мордовия, г. Саранск, Россия

✉ roman_golovin_96@mail.ru

Аннотация

Введение. На современном этапе археологического изучения финнов Поволжья тема изучения культуры рязано-окских могильников является одной из наиболее важных и актуальных. Проблема «финальной» стадии бытования данной культуры требует наиболее обширного рассмотрения. В связи с этим особую важность приобретает изучение древностей Шокшинского могильника, обнаруженного в середине 1960-х гг. в Теньгушевском районе Мордовии. За 15 лет полевого изучения был накоплен беспрецедентный массив данных, связанных с украшениями и костюмом, вооружением, предметами быта, ремесла и культуры у поволжских финнов в середине V — начале XI в.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили научные отчеты раскопок, а также археологический материал погребений Шокшинского могильника. С помощью сравнительно-типологического, статистического методов, а также метода синхронизации и аналогии были классифицированы 1 143 погребения Шокшинского могильника.

Результаты исследования и их обсуждение. Несмотря на многолетнее и разностороннее изучение Шокшинского могильника, материалы исследования и изучения памятника пока не опубликованы. В современной литературе не отражены и такие важные характеристики, как общие данные о количестве погребений, их половозрастной состав, погребальный обряд, расположение и ориентировка могильных ям, данные об инвентаре в

погребениях. В статье предпринята попытка обобщить все имеющиеся сведения об одном из важнейших археологических памятников поволжских финнов.

Заключение. Культура рязано-окских могильников активно развивалась, менялась на протяжении бытования, приобретая на разных этапах не только новые черты, но и локальные варианты. Финальный этап не стал исключением. Разумеется, столь поздние погребения из Шокшинского могильника представляют собой нечто большее, чем «классическую» материальную культуру рязано-окских могильников. Вероятно, к тому времени носители данной культуры уже не были единой этнической общностью, на что указывают и события политической истории Восточной Европы.

Ключевые слова: грунтовый могильник, культура рязано-окских могильников, археологические раскопки, средневековые

Финансирование: при наличии указывается информация о грантах и других источниках финансирования

Благодарности: при желании благодарность кому-либо или организации за предоставленные материалы или сотрудничество

Для цитирования: Головин Р. Е., Кемаев Е. Н. История изучения Шокшинского могильника // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. Т. 15, № 1 (65). С. — (конкретные страницы указываются редакцией)

Original article

HISTORY OF RESEARCHING THE SHOKSHINSKY CEMETERY

R. E. Golovin^{1, 2✉}, E. N. Kemaev²

¹ Mordovian Republican United Museum of the Local History, Saransk, Russia,

² Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of
Mordovia, Saransk, Russia

✉roman_golovin_96@mail.ru

Abstract

Introduction. At the present stage of the archaeological study of the Finns of the Volga region, the topic of studying the culture of the Ryazan-Oka burial grounds is one of the most important and relevant. In addition, the problem of the “final” stage of the existence of this culture requires the most extensive consideration. In this regard, the study of the antiquities of the Shokshinsky cemetery, discovered in the mid-1960s in the Tengushevsky district of the MASSR,

is of particular importance. For 15 years of field study, an unprecedented array of data has been accumulated related to jewelry and costume, weapons, household items, crafts and culture among Volga Finns in the middle of the V — beginning of the XI century.

Materials and methods. The research material was the scientific reports of the excavations, as well as the archaeological material of the burials of the Shokshinsky burial ground. With the help of comparative typological, statistical methods, as well as the synchronization and analogies method, 1,143 burials of the Shokshinsky burial ground were classified.

Results and discussion. The article describes the main stages of the study of the Shokshinsky cemetery in the Tengushevsky district of the Republic of Mordovia. The available information on the number of burials, the funeral rite is summarized, and an attempt is made to present the Shokshinsky burial ground among the antiquities of the Ryazan-Oka archaeological culture. Despite the long-term and versatile study of the Shokshinsky burial ground, the materials of the study and study of the monument have not been published. Also, the modern literature does not reflect such important characteristics as general data on the number of burials, their sex and age composition, funeral rite, location and orientation of grave pits, some data on the inventory of the buried. This paper attempts to summarize all available information about one of the most important archaeological sites of the Volga Finns.

Conclusion. The culture of the Ryazan-Oka burial grounds actively developed, changed throughout existence, acquiring at different stages not only new features, but also local variants. The final stage was no exception. Of course, such late burials from the Shokshinsky burial ground represent something more than the “classical” material culture of the Ryazan-Oka burial grounds. Probably, by that time, the bearers of this culture were no longer a single ethnic community, as indicated by the events of the political history of Eastern Europe.

Keywords: burial ground, culture of Ryazan-Oka burial grounds, archaeological excavations, the Middle Ages

Funding:

Acknowledgements:

For citation: Golovin RE, Kemaev EN. History of researching of the Shokshinsky semetry/ // Bulletin of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia. 2023;15(1): (конкретные страницы указываются редакцией)

Введение

Шокшинский грунтовый могильник расположен в Теньгушевском районе Республики Мордовия, в 1,5 км от с. Куликовка, около 0,4 км к В — СВ от пос. Полярная Звезда, на высоком мысу надлуговой террасы. Название памятник получил из-за расположения на правом берегу реки Шокши, в 0,5 км от ее впадения в реку Мокшу. Хотя в литературе упоминаются и другие полевые названия: «Куликовский могильник», «могильник Полярная Звезда»¹. Памятник находится на северо-западе Мордовии, где республика граничит с Рязанской и Нижегородской областями.

Шокшинский могильник был обнаружен в середине 1960-х гг. комбайнером И. Т. Зольниковым из пос. Коммуна (местное название пос. Полярная Звезда) во время летних полевых работ. Местный краевед И. Т. Блиндяев собранные в разрушающемся берегу Шокши материалы переслал в ГИМ². В 1966 г. учитель Шокшинской средней школы С. П. Шаронов представил имеющиеся материалы в Мордовский государственный университет [1, с. 27]. Однако сразу предпринять масштабные раскопки не удалось, хотя памятник и находился в аварийном состоянии — весеннее половодье сильно подмывало берег, ежегодно разрушая могильник.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили описания 1 143 погребений Шокшинского могильника на площади 4 725 м², приведённые в научных отчётах раскопок А. В. Циркина и В. Н. Шитова. Главными методами были сравнительно-типологический и статистический, метод синхронизации и аналогий.

Обзор литературы

¹ Археологическая карта России. Республика Мордовия / сост. А. А. Беговаткин. М., 2017. С. 407 — 412.

² МРОКМ им. И. Д. Воронина. АФ П/О № 106. Циркин А. В. Отчет о раскопках Шокшинского могильника в 1967 г. Л. 1.

Шокшинский могильник занимает особое место в ряду рязано-окских древностей. Важность изучения комплекса Шокшинского могильника как археологического памятника заключается в том, что он является, с одной стороны, самым восточным могильником позднего периода рязано-окской культуры. С другой стороны, довольно большие хронологические рамки могильника — V — XI вв. — позволили проследить существенные изменения в инвентаре погребений, их преемственность и влияние других культур, от ранних погребений — к поздним. Памятник хорошо изучен: полевые исследования проводились на нем 15 лет. За это время был накоплен обширный археологический материал, и богатство и разнообразие этого материала выделяют Шокшинский могильник в числе других археологических памятников, относящихся к рязано-окской культуре.

В. Н. Шитов выделял следующие этапы бытования культуры рязано-окских могильников: I этап (III — IV вв.) — кошибеевский; II этап (V — VII вв.) — борковско-кузьминский; III этап (VIII — XI вв.) — курманско-шокшинский. Опираясь на эту классификацию, можно говорить о том, что Шокшинский могильник относится не только самому позднему этапу культуры, но и к наименее изученному.

Несмотря на обширную историю изучения рязано-окских древностей, вопрос о завершающем этапе могильников этой культуры исследован крайне мало. Отдельного внимания заслуживают наиболее актуальные работы «Проблема финального периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса)» И. Р. Ахмедова [2], «Культура рязано-окских могильников» И. Р. Ахмедова, И. В. Белоцерковской и др. [3]. Авторами было установлено время прекращения бытования большей части рязано-окских могильников, а также на большом материале рассмотрен инвентарь женских и мужских погребений. В результате исследователи

предложили наиболее подробную хронологию рязано-окских древностей, основываясь на исторических процессах, связанных с завершением бытования одних памятников и появлением других, более поздних и не типичных для рязано-окского круга.

Результаты исследования и их обсуждение

Начало планомерного археологического исследования Шокшинского могильника связано с именем археолога А. В. Циркина. Именно под его руководством в 1967 — 1969 гг. археологическая экспедиция Мордовского государственного университета впервые провела на памятнике обширные археологические работы.

Установленная площадь Шокшинского могильника во время раскопок 1967 — 1969 г. — 5 000 м², из которых были вскрыты 1 297 м². За тот период были исследованы 243 погребения: в 1967 г. — 118, в 1968 г. — 101, в 1969 г. — 24 погребения. Исследованный комплекс был представлен 77 мужскими, 102 женскими и 12 детскими погребениями. В трех могильных ямах были отмечены парные захоронения. Половую принадлежность в 49 погребениях установить не удалось.

А. В. Циркин отмечал, что конструкционная особенность могильных ям в плане чаще всего подчетыреугольная, реже — овально-вытянутая. Преобладают могильные ямы длиной 160 — 220 см, шириной 50 — 70 см и глубиной 40 — 140 см. Исследованные погребения были датированы VI — X вв. [11, с. 156 — 157].

Основной обряд захоронения — труположение, лишь в 16 погребениях прослежен обряд трупосожжения. Почти все умершие были положены вытянуто на спине, кисти рук находились в области таза.

Характерная черта Шокшинского могильника — довольно сложная стратиграфия: некоторые погребения на площади имеют многоярусное

расположение, некоторые перекрывают и нарушают слой более ранних погребений. Кроме того, погребальные ямы могильника значительно нарушали культурный слой поселения Шокшинское — I, отнесенного к эпохе бронзы — раннему железному веку [15, с. 161].

Вещественный инвентарь погребений исследователи разных лет условно разделяли на два периода. А. В. Циркин приводил следующую датировку: к концу VI — VII вв. он относил погребения раннего периода, к позднему периоду — погребения VIII — X вв. Ученый отмечал, что погребения с ранним вещевым комплексом расположены в два правильных ряда, локализуясь у восточного коренного берега надлуговой террасы. Такой тип расположения могил, погребальный обряд и инвентарь характерны для могильников Среднего Поволжья I половины — середины I тыс. н. э. [11, с. 158].

Относительно погребального инвентаря — А. В. Циркин указывал на большое разнообразие женских украшений: налобные венчики, бронзовые височные привески с S-видным замком и бутыльчатыми подвесками, серповидные гривны, краснопастовые бусы, сюлгамы с завернутыми в трубочку концами, нагрудные бляхи, а также украшение одежды в виде трапециевидных подвесок сходны с украшениями рязано-окских племен. Окское же происхождение имеет инвентарь мужских погребений, хотя и не такой богатый, как женский: втульчатые топоры, наконечники копий и стрел, немногочисленные находки сабель. Украшения представлены бляхами с крылатой иглой, шейными гривнами из белого металла, а также ременными наборами [11, с. 163 — 164].

Система расположения погребений, а также крайнее сходство погребального инвентаря позволяют сделать вывод о том, что ранний период

бытования Шокшинского могильника связан с носителями рязано-окской археологической культуры и датируется VI — VII вв. [11, с. 169].

Таким образом, А. В. Циркин впервые указал на родство ранних погребений населения, оставившего Шокшинский могильник, с населением культуры рязано-окских могильников. Подтверждая тезис о том, что большая часть населения Поочья уже в то время мигрировала на северо-восток, так как к VII в. н. э. в бассейне Оки памятники культуры рязано-окских могильников исчезли.

Могилы с поздним вещевым комплексом располагались на более высоких точках памятника, в западной его части, а само расположение погребений напоминало в поздний период кольцевую схему. Сами могилы при этом носили юго-восточную ориентировку. Поздний период, по А. В. Циркину, имел близость к мордовским (мокша) могильникам. Впоследствии Ю. А. Зеленева и О. В. Зеленцова поддержали точку зрения, по которой с большой вероятностью население Шокшинского могильника участвовало в формировании мокшанского этноса [6, с. 39]. Еще А. В. Циркин обратил внимание на присутствие в позднем комплексе инвентаря, имеющего южное происхождение, а также предметов и украшений муромского типа. С одной стороны, южная ориентировка, а также наличие множества цнинских украшений и предметов типичных для мордвы не позволяют назвать поздний комплекс типично муромским. С другой стороны, обилие инвентаря муромского типа не дает возможности считать Шокшинский могильник типично мордовским, как заключал А. В. Циркин [11, с. 169].

Второй этап исследования Шокшинского могильника связан с масштабными археологическими раскопками под руководством В. Н. Шитова. Произошло это спустя 14 лет после раскопок А. В. Циркина — в 1983 — 1993 гг. и в 1995 г. К тому времени на реке Шокше была сооружена

плотина, и течение реки было направлено по другому руслу, в стороне от могильника.

Данный этап археологических раскопок на площади Шокшинского могильника ознаменован деятельностью НИИЯЛИЭ при Совете Министров Мордовской АССР. За это время были вскрыты 3 428 м², исследованы 900 погребений. В 1983 г. — 82 погребения, в 1984 г. — 104, в 1985 г. — 103, в 1986 г. — 69, в 1987 г. — 48, в 1988 г. — 52, в 1989 г. — 93, в 1990 г. — 59, в 1991 г. — 93, в 1992 г. — 80, в 1993 г. — 77, в 1995 г. — 40 погребений.

Комплекс исследованных погребений на данном этапе был представлен 290 мужскими, 271 женским и 217 детскими погребениями. Половую принадлежность в 100 погребениях установить не удалось. В. Н. Шитов отмечал присутствие двух кенотафных погребений. Зафиксированы 2 погребения, полностью уничтоженные кладоискательскими ямами.

Основной обряд захоронений, изученных в то время, — трупоположение. Лишь в 83 могилах были отмечены следы кремации на стороне. Особого внимания заслуживают парные захоронения, их известно 16. Так, в погребении 956 находились тела взрослого мужчины и ребенка. Однако мужчина был захоронен по обряду трупосожжения на стороне, а ребенок — по обряду трупоположения.

А в погребении 715 располагались мужчина, захороненный по обряду трупоположения и кремированные останки ребенка. В этом же погребении были обнаружены женские вещи, разложенные в порядке их ношения — женское символическое захоронение. Таких захоронений известно два.

В 30 погребениях прослежены следы жертвенного комплекса. Как правило, он представляет собой женские украшения, сложенные у края могилы или располагающиеся непосредственно рядом с телом умершего. Нередко эти украшения завернуты в луб или ткань. Заслуживает внимания,

что такие комплексы характерны только для мужских захоронений. Женских погребений с мужским жертвенным комплексом не зафиксировано.

В. Н. Шитов относил ранний комплекс погребений к середине — второй половине V — VII в., а поздний комплекс — к VIII — началу XI в. Впоследствии именно эта датировка стала основной для памятника.

Большинство могильных ям в плане имело подпрямоугольную форму. Стенки у них, как правило, отвесные, дно ровное.

В. Н. Шитов также отмечал, что для раннего периода погребений характерны северо-восточная ориентировка, височные привески с бутыльчатыми подвесками, серповидные гривны без привесок, краснопастовые бусы, сюлгамы с завернутыми концами, спиральные перстни и браслеты, и в целом инвентарь погребений аналогичен инвентарю рязано-окских могильников³.

В поздних погребениях происходит изменение их ориентировки на восточную сторону, а позже — на юго-восточную и южную. Принадлежности женского головного убора позднего периода — проволочные височные кольца муромского типа, а также височные спиральные подвески, шумящие нагрудные украшения. В целом, для позднего периода характерны мозаичные бусы, ожерелья в виде пронизок с шумящими привесками в виде лапок водоплавающей птицы, коньковые привески, широкосерединые перстни, бляхи с крышечкой, шейные гривны, застежки-фибулы.

Несмотря на схожесть инвентаря женских погребений этого периода с муромскими — такие характерные для муромы украшения, как головные жгуты, набедренные ленты и привески-коромысла в шокшинских погребениях отсутствуют⁴. Многочисленны находки височных подвесок в

³ НА НИИГН. И-1077. Шитов В. Н. Отчет о работе Шокшинской археологической экспедиции в Мордовской АССР и Рязанской области в 1983 г. Л. 3 – 4

⁴ НА НИИГН. И-1454. Витов В. Н. Отчет об археологических работах в Теньгушевском районе Республики Мордовия в 1995 г. Л. 3.

виде спиральки с длинным стержнем, обмотанным проволокой, характерные для мордвы. Однако, в отличие от древнемордовских, концы у них изогнуты в виде крючков [12]. Встречаются и крестовидные подвески, имеющие аналогии в мордовских могильниках VIII — начала XI в., расположенных на реках Вад и Цна [8, с. 51, 67, 74, 75].

Интерес представляют разнообразные изделия из ткани, сохранившиеся в погребениях. Это головные покрывала, украшенные бисером и привесками, элементы одежды, фрагменты верхней накидки и шерстяного нагрудника.

Отдельного внимания заслуживают элементы вооружения. В Шокшинском могильнике были обнаружены несколько палашей, сабель раннего типа, боевые топоры, элементы кольчуг, детали конского убора и т. д. Особо выделим находку двулезвийного меча с клеймом ULFBERHT в погребении 282 [13, 14]. Вооружение позднего периода также претерпевает изменения: получают распространение пики, небольшие боевые топоры и сабли.

Как в позднем, так и в раннем комплексах погребений обнаружено большое количество орудий труда: это рабочие и бортовые топоры, серпы, кузнечные молоты и предметы металлургического производства [9].

В 2013 и 2014 гг. экспедиция НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия провела разведки в нижнем течении Мокши, в Теньгушевском районе Мордовии. Так, на Шокшинском могильнике были зафиксированы кладоискательские ямы. Это позволяет судить о том, что памятник исследован не до конца. Е. Н. Кемаев отмечает, что именно возобновление научных раскопок на площади Шокшинского могильника явилось бы самым эффективным средством для предотвращения незаконной деятельности [7, с. 287].

Заключение

Таким образом, на сегодняшний день на Шокшинском могильнике изучены 1 143 погребения на площади 4 725 м². Несмотря на то, что исследован значительный массив захоронений, на некоторые вопросы до сих пор не удалось ответить. Дело в том, что население, оставившее Шокшинский могильник, занимало, вероятно, большую географическую территорию — Примокшанье и Поочье. И в числе других могильников того периода, Шокшинский могильник стоит особняком, поскольку содержит следы разнообразных культур и традиций V — XI вв. С одной стороны, основной пласт рязано-окских могильников в Поочье перестает бытовать уже ко второй половине VII в., но погребения Шокшинского могильника существуют вплоть до середины XI в. С другой стороны, к столь поздним рязано-окским памятникам относятся и Курманский могильник, Глушицкий могильник, Шагара V [2, с. 16]. В 2016 г. выявлен грунтовый могильник Городище II, относящийся к культуре рязано-окских могильников и содержащий материал «шокшинского» этапа [5]. Эти сведения дают основания предполагать, что исследования рязано-окских древностей, особенно завершающего этапа, будут развиваться и давать новую источниковую базу для разработки большого числа вопросов.

У исследователей-археологов нет единого мнения по ряду проблем. Несмотря на то, что хорошая узнаваемость комплексов рязано-окских древностей позволяет их четко идентифицировать, обилие и разнообразие вещевого материала отодвинуло на второй план важные вопросы погребального обряда, а также типологии вещей из погребений [4, с. 6]. Например, не подвергали специальному исследованию проблема этнического состава населения, оставившего Шокшинский могильник, а также его погребальный обряд.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что большая часть непосредственного материала Шокшинского могильника никогда не публиковалась. Выражаем надежду, что данная работа послужит частью будущего большого и разнопланового изучения данного памятника археологии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Археология мордовского края: Каменный век, эпоха бронзы / В. Н. Шитов [и др.]; под общ. ред. В. В. Ставицкого, В. Н. Шитова; НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2008. 552 с.

2. Ахмедов И. Р. Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса) // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н. э. Проблемы и материалы / отв. ред. И. В. Исланова, В. Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2010. С. 7 — 34 (Раннеславянский мир. Вып. 13).

3. Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В., Румянцева О. С. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. / отв. ред. И. О. Гавритухин, А. М. Обломский; РАН. М.: ИА РАН, 2007. С. 133 — 275.

4. Воронина Р. Ф., Зеленцова О. В., Энговатова А. В. Никитинский могильник: публикация материалов раскопок 1977 — 1978 гг. // Труды отдела Охранных раскопок Института археологии РАН / отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2005. Т. 3. 176 с.

5. Гаврилов А. П., Конов В. Д. Новый могильник рязано-окских финнов. Археология Волго-Окского региона: сб. тез. к юбилею И. В. Белоцерковской / ред.-сост. Н. А. Биркина. М., 2020. С. 56 — 63.

6. Зеленева Ю. А., Зеленцова О. В. Средневековая мордва по археологическим данным // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 37 — 47. EDN RUJPFD.

7. Кемаев Е. Н. Археологическая разведка в Теньгушевском районе Мордовии // Археологические открытия 2014 года / отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2016. С. 286 — 287. EDN YRVOWL.

8. Материальная культура Средне-Цнинской мордвы VIII — XI вв. (По материалам раскопок П. П. Иванова за 1927 — 1928 годы) / науч. обработка и введ. А. Е. Алиховой;

НИИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР, Моршан. краевед. музей Тамбов. обл. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1969. Т. 3. 176 с.

9. Петербургский И. М. К вопросу о кузнечном и ювелирном ремеслах у мордвы (по раскопкам Шокшинского могильника VI — X вв.) // Материалы по археологии и этнографии Мордовии: тр. / НИИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1974. Вып. 45. С. 48 — 54.

11. Циркин А. В. Шокшинский могильник // Советская археология. 1972. № 1. С. 155 — 170.

12. Шитов В. Н. Исследования на р. Шокша // Археологические открытия 1986. М.: Наука, 1988. С. 199 — 200.

13. Шитов В. Н. Меч с клеймом ULFBERHT из Шокшинского могильника // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье: тр. Саранск, 1992. Вып. 107. С. 116 — 117.

14. Шитов В. Н. Мечи X—XI вв. на территории Мордовии // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола, 1994. С. 44 — 49.

15. Шитов В. Н. Работы Шокшинской экспедиции // Археологические открытия 1984. М.: Наука, 1986. С. 161.

16. Шитов В. Н. Раскопки Шокшинского могильника // Археологические открытия 1983. М.: Наука, 1985. С. 186.

Статья поступила в редакцию 00.00.0000; одобрена после рецензирования 00.00.0000; принята к публикации 00.00.0000. (даты указываются редакцией)

Информация об авторах:

Роман Евгеньевич Головин, научный сотрудник сектора археологии исторического отдела МРОКМ им. И. Д. Воронина (430005, Россия, г. Саранск, ул. Саранская, 2); аспирант отдела археологии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6795-8710>, roman_golovin_96@mail.ru;

Евгений Николаевич Кемаев, старший научный сотрудник отдела археологии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6893-8723>, Author ID 1015106, evg.kemaev@yandex.ru

Вклад авторов:

Головин Р. Е. – разработка концепции, развитие методологии, сбор данных и анализ литературы, написание первоначального варианта статьи;

Кемаев Е. Н. – критический анализ и научное редактирование текста.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Archeology of the Mordovian region: The Stone Age, the Bronze Age. Saransk;2008. (In Russ.)
2. Akhmedov IR. The problem of the “final” period of culture of the Ryazan-Oka Finns (to the present state of the question). *Archeology of Eastern Europe in the I millennium A.D. Problems and materials*. Moscow;2010;13:7—34. (In Russ.)
3. Akhmedov IR, Belotserkovskaya IV, Rumyantseva OS. Culture of Ryazan-Oka burial grounds. *Eastern Europe in the middle of the I millennium AD*. Moscow;2007;133—275. (In Russ.)
4. Voronina RF, Zelentsova OV, Engovatova AV. Nikitinsky burial ground: publication of excavation materials 1977 — 1978. *Proceedings of the Department of Security excavations of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences*. Moscow;2005;3. (In Russ.)
5. Gavrilov AP, Konov V D. The new burial ground of the Ryazan-Oka Finns. *Archeology of the Volga-Oka region*. Collection of theses to the anniversary of I. V. Belotserkovskaya. Moscow;2020:56—63. (In Russ.)
6. Zeleneev YuA, Zelentsova OV. Medieval Mordovia according to archaeological data. *Volga archeology*. 2012;1:37—47. (In Russ.)
7. Kemaev EN. Archaeological exploration in the Tengushevsky district of Mordovia. *Archaeological discoveries of 2014*. Moscow;2016:286—287. (In Russ.)
8. Material culture of the Sredne-Tsninskaya Mordovia of the VIII — XI centuries (Based on the materials of P. P. Ivanov's excavations for 1927 — 1928). Saransk;1969;3. (In Russ.)
9. Peterburgsky IM. On the issue of blacksmithing and jewelry crafts in the Mordvins (on the excavations of the Shokshinsky burial ground of the VI — X centuries). *Materials on archeology and ethnography of Mordovia*. Proceedings. Saransk;1974;45:48—54. (In Russ.)

11. Tsirkin AV. Shokshinsky burial ground. *Soviet archaeology*. 1972;(1):155—170. (In Russ.)

12. Shitov VN. Research on the Shoksha River. *Archaeological discoveries 1986*. Moscow;1988:199—200. (In Russ.)

13. Shitov VN. Sword with the ULFBERHT stamp from the Shoksha burial ground. *Archaeological research in the Oksko-Sursky interfluve*. Proceedings. Saransk;1992;107:116—117. (In Russ.)

14. Shitov VN. Swords of the X — XI centuries on the territory of Mordovia. *Historical and archaeological study of the Volga region*. Yoshkar-Ola;1994:44—49. (In Russ.)

15. Shitov VN. Works of the Shoksha expedition. *Archaeological Discoveries 1984*. Moscow;1986:161. (In Russ.)

16. Shitov VN. Excavations of the Shokshinsky burial ground. *Archaeological Discoveries 1983*. Moscow;1985:186. (In Russ.)

The article was submitted 00.00.0000, approved after reviewing 00.00.0000, accepted for publication 00.00.0000.

Information about the authors:

Roman E. Golovin, researcher of the Archeology Sector of the Mordovian Republican Unite Museum of the Local History (430005, Russia, Saransk, Saranskaya str., 2); postgraduate student of the Archeology Department of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia (430005, Russia, Saransk, L. Tolstogo str., 3), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6795-8710>, roman_golovin_96@mail.ru

Evgeniy N. Kemaev, postgraduate student of the Archeology Department of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia (430005, Russia, Saransk, L. Tolstogo str., 3), ORCID: <https://orcid.org/0000-6893-8723>, Author ID 1015106, evg.kemaev@yandex.ru

Contribution of the authors:

Golovin R. E. – concept development, methodology improvement, data collection and literature analysis, writing the draft version of the article;

Kemaev E. N. – critical analysis and scientific editing of the article.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.